

ПРИНЦИП РАВНОВОЗМЕЗДНОСТИ В ФЕНОМЕНЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ¹

© 2015 г. Константин Викторович Корсаков²

Аннотация: данная статья посвящена осмыслению ключевого для понимания диалектики уголовного наказания принципа равновозмездности, анализируемого автором в историческом, криминологическом, антропологическом, социологическом и юридическом аспектах. Показан и дан критический анализ ряда наиболее распространенных в юридической науке подходов к объяснению принципа равновозмездности в феномене уголовного наказания. Сформулированы выводы о причинах появления и социально-правовой природе данного принципа, а также его замещения иными пенитенциарными схемами и формулярами.

Annotation: this article is devoted to understanding the crucial for comprehension the dialectic of criminal punishment principle of equal retribution, analyzed by the author in historical, criminological, anthropological, sociological and legal aspects. Was shown and given a critical analysis of some of the most common in science approaches to the explanation of the principle of equal retribution in phenomenology of criminal punishment. Conclusions about the cause and socio-legal nature of this principle and the substitution of other penitential schemas.

Ключевые слова: публичное наказание, возмездие, кровная месть, талион, уголовная репрессия, частная месть, реагирование общества на преступление, происхождение наказания.

Key words: public punishment, retribution, blood revenge, taleon, criminal reprisals, vendetta, the social response to crime, the origin of punishment.

Памяти профессора, доктора юридических наук,
заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента РАН
Геннадия Васильевича Мальцева (1935–2013)

Принцип соответствия масштабов меры уголовного наказания тяжести содеянного – характеру и степени общественной опасности преступления – является одним из центральных в законодательстве и уголовно-правовых доктринах государств континентальной (романо-германской) правовой семьи, оказавшихся под сильным влиянием гегелевской диалектики и ее известных законов отрицания отрицания, тождества и др. Не исключением является и уголовное законодательство России, в котором данный принцип нашел свое отражение в ч. 1 ст. 6 УК РФ, ч. 3 ст. 60 УК РФ и ч. 2 ст. 43 УК РФ. Между тем, как и все публично-правовые институты и конструкции, он возник не на *tabula rasa*. Этому одному из базисных концептов в метафизике публичного наказания пенитенциарному шаблону, который вывел общечеловеческую карательно-репрессивную практику, нуждающуюся в постоянном поиске эквивалента в деле определения наказания за общественно опасные деяния, на магистральный путь развития, предшествовал длительный и сложный этап его кристаллизации.

В современном научном дискурсе вопрос о причинах возникновения принципа равновозмездности (или эквивалентности, симметрии, тождества) по-прежнему порождает интенсивную полемику и остается дискуссионным, хотя данная проблематика не раз приковывала к себе пристальное внимание в научных исследованиях видных ученых – теоретиков права, криминологов, философов, антропологов и социологов. Среди распространившихся и доминирующих подходов к данной проблеме можно выделить обозначенные

такими известными отечественными и зарубежными исследователями, как М.М. Ковалевский, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Е.Б. Пашуканис и М.Д. Шаргородский. Этот вопрос был затронут и в глубоком, оригинальном и основанном на весьма обширном эмпирическом материале монографическом исследовании Г.В. Мальцева “Мечь и возмездие в древнем праве”.

Общей, основной и характерной чертой всех исследовательских решений, выстроенных в русле позитивистских парадигм и диалектико-исторического взгляда на названную проблему, является поиск причин зарождения принципа равновозмездности в материально-хозяйственной, бытовой сфере, в частности в динамике видов и форм экономической деятельности, в образовании и ускоренном развитии системы так называемой первобытнопрестижной экономики, положивших начало процессам товарного оборота и отношениям натурального обмена, который, как писал историк права Э. Аннерс, “был бы невозможен, если бы обе участвующие в нем стороны не рассматривали обмениваемые товары или услуги в качестве равноценных”³. В одной из своих работ Ю.И. Семенов верно подчеркнул, что “важнейший принцип всякого дарообмена – эквивалентность”⁴. Основываясь на данном положении, М.Д. Шаргородский заключал: “По мере

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МК-6928.2015.6.

² Старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: korsakovekb@yandex.ru).

³ Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. С. 25. Результатом добровольного обмена, по мнению Э. Аннерса, явилось формирование у первобытных людей комплекса представлений о симметрии. Затрагивая вопрос о возникновении принципа эквивалентности как мотивации правовых норм, автор объясняет его тем, что, “когда люди начали задумываться над тем, что мы называем правовыми категориями, миром их правового мышления завладела идея: равным за равное” (см.: там же. С. 26).

⁴ Семенов Ю.И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 12.

возникновения и развития обмена возникла возможность возмещения равным за равное, что привело к ограничению кровной мести, вызвало появление талиона и композиций в отношениях между племенами”⁵.

На последующие научно-исследовательские разработки, в том числе и не относящие время появления тех институтов социальной нормативности, которые основаны на принципе равновозмездности, к эпохе менового оборота, заметное влияние оказала концепция группы европейских ученых, которую возглавлял Р. Вердье, – теория, изложенная ими в 1982 г. в монографии “Месть”. Рассматривая предтечу публичного наказания – частную месть (кровомщение) как систему простирающуюся из необходимости скорого нанесения ответного вреда двухстороннего обмена, которая имеет следствием постоянную смену ролей посягателя и жертвы, Р. Вердье и его коллеги полагали, что “так же как запрещение кровосмешения зиждется на законе экзогамии, которая определяет структуру брачных обменов, точно так же и месть основывается на законе обмена, который определяет структуру системы возмездия (мщения)”⁶. Эти исследователи указывали на продолжающийся цикл реактивно-репрессивных и ретроспективных действий по типу обоюдозвратных, представляемый в виде своеобразной системы обмена, что дает возможность перенести на его составляющие признаки, присущие любому обмену, идею симметрии, принцип равновозмездности.

Помимо такого подхода существует не столь распространенная в научной литературе точка зрения, согласно которой принцип равновозмездности проник в публично-правовую область лишь в более поздний, раннеклассовый период из сферы гражданско-правовых отношений. Однако данная сентенция расходится с картиной юридического быта Древнего Рима, Древней Греции и Египта. История древнееврейского права также свидетельствует об обратном. Наоборот, логика равновозмездности публичной кары, ветхозаветное правило талиона (от лат. “*talis*” – такой же, соответствующий, равноценный)⁷ были распространены юристами того времени на гражданско-правовые институты. В частности, последствиями этого явились непознание алеаторных соглашений, прежде всего игр и пари, как лишенных эквивалентности (принцип “там, где нет реального эквивалента, там нет обязательства” долгое время сохранялся в иудейском праве) и запрет на взимание ссудных процентов – ростовщичество, объявленное в Пятикнижии Моисея, а впоследствии в Коране – грехом.

Думается, что еще до момента появления зачаточных форм права и морали, совпадавшего, по нашему мнению, с началом социогенеза⁸, некими прообразами, задатками

представлений о равной мере, симметрии и чувством пропорциональности человек был наделен изначально уже в силу своей природы – уязвимой, брэнной и существенно ограниченной белковой формой существования биологической сущности, и они развивались в нем по мере эволюции его сознания и выработки абстрактного мышления. В изучении неоднозначного вопроса об их перманентном развитии следует обратить внимание на то обстоятельство, что в древних обществах эквивалентности и симметрии понимались прежде всего не рационалистически-утилитарно и прагматично, а мифологически-сакрально и сенситивно, о чем свидетельствуют многие памятники духовной и правовой культуры, а равно исследования в области антропологии и этнографии⁹.

Данные, накопленные представителями российской этнографической науки, занимавшимися полевыми исследованиями мифологии, традиций, обычного права и фольклора северных народов России, продолжительное время находящегося на стадии родо-племенных отношений, доказывают этот факт: так, в родо-племенных общностях эвенков (тунгусов) существуют любопытные нормативные предписания, восходящие к временам отсутствия каких-либо дружеских и меновых контактов между ними – гоббсовского *bellum omnium contra omnes*: “Нельзя ребенку позволять есть поясничные позвонки – иначе его позвонки будут болеть”, “Кости убитого на охоте медведя следует выложить на лабаз – если так не поступишь, в следующий раз медведь поломает твои кости”. В обычно-правовых нормах якутских племенных союзов также сохранилось схожее архаическое правило: “Нельзя есть сухожилия обитателей леса – иначе будут судороги и боли в сухожилиях”, а у нганасан запрет на нанесение увечий и ран сородичу обеспечивается поверьями о последующем затем заболевании или повреждении аналогичных частей тела его нарушителя (считается, что, если кто-либо отрежет палец другому, у него самого отнимется палец; если кто-либо отсечет нос другому, у него отмерзнет нос)¹⁰.

Выделенная нами черта мифообразного мышления, нередко называемая в работах французского этнографа М. Мосса “идеи ответственности” или же “принципом взаимности”, была описана Дж. Фрээрером в его “Золотой ветви” как психологический закон ассоциации идей по сходству. На наличие развитых представлений людей о равновозмездности и симметрии в период распространения схемы кровной мести и правила талиона и отсутствия позитивного права указывает также то немаловажное обстоятельство, что в среде многих африканских народов (банту, бушмены и пр.) кровомщение должно было длиться только до тех пор, пока число убитых с обеих сторон не станет равным. В истории обычного права кочевых племен калмыков существовал весьма схожий обычай, именуемый ими “барымта”, предполагавший совершение серии набегов на соседние кочевые племена, которые посягнули на имущество общины, строго равной количеству предшествующих ей набегов со стороны кочевников-инородцев.

⁵ Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. С. 21. Формирование принципа равновозмездности также связывалось М.Д. Шаргородским с появлением рабовладения, создавшего “возможность замены причиненного вреда, в первую очередь при убийстве, уплатой определенного эквивалента рабами” (см.: там же. С. 17).

⁶ Цит. по: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000. С. 173.

⁷ Наиболее древним законодательным актом, включавшим наказания по принципу талиона (классической формулировкой которого считается норматив Торы – “око за око”, полностью звучащий как: “А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб” (Книга Исход, 21.23-25)), является Свод законов нововавилонского гугала Хаммурапи, датированный серединой XVIII в. до н.э.

⁸ См.: Корсаков К.В. Нравственность и право – сообщающиеся средства общественного упорядочивания и очерчивания поведенческих границ // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2008. № 2. С. 27.

⁹ В частности, В.М. Розин заключал по этому поводу: “Ущерб должен быть компенсирован равным действием потому, что боги установили порядок, нарушение которого воспринималось как космическая катастрофа: боги будут разгневаны и оставят людей без своего участия и поддержки. Поэтому во что бы то ни стало нарушенный порядок должен быть восстановлен, а восстановить – это и значит ответить эквивалентным действием” (см.: Розин В.М. Генезис права. Методологический и культурологический анализ. М., 2003. С. 124, 125).

¹⁰ См.: Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. Ч. 1. М., 1996. С. 90.

На наш взгляд, кристаллизация принципа равновозмездности в недрах практики публичного наказания стала возможной вследствие осознания людьми эпохи архаики потребности распространения принципа меры и чувства пропорциональности на все важные сферы их жизнедеятельности, а также их обращения от качественных понятий к количественным категориям, т.е. процессов, протекавших в рамках интеллектуального и социально-духовного развития, межкультурной интеграции, и прежде всего перехода от анимизма и антропоморфизма к позднему политеизму и монотеизму.

В условиях тотемистических верований и мифологического понимания действительности, не допускавших, в отличие от позднего монотеизма, возмездия в потустороннем мире, а признававших его в земной жизни, преступление против общины расценивалось как посягательство на духовно скреплявший родовые узы тотем – общего фактического предка, от которого напрямую зависели жизнь и благополучие коллектива и каждого его члена. Наказание должно было быть направлено на выставление нарушившего запрет существом, отпавшим от рода, на его истребление любой ценой как существа, подобно инородцам, не имеющего никаких прав, включая и право на жизнь. Причем такое наказание со стороны коллектива – не право, а священная обязанность, как писал И.Я. Фойницкий: “кто не мстит за тяжкую обиду, ему или членам его семьи причиненную, тот признается позорным, оскорбляющим божество и нарушающим свой долг по отношению к обществу”¹¹.

Тотемные божества, как писал в своих работах Э. Тэйлор, были неотделимы от природы и уподоблены человеку, наполнены его этосом, его субъективизмом, а потому были пристрастны в их требованиях при разрешении межродовых и внутриклановых конфликтов, что отнюдь не свойственно для пантеона, сложной иерархии живущих в потустороннем мире богов, вставших над природой и уже подчиненных понятию справедливого воздаяния, гнев которых не столь субъективен и неупорядочен, как прежде, так как в результате заимствования их культов взаимодействующими людскими общностями, что, по выражению К. Хаусхофера, “яснее всего указывает на втягивание ими в себя границ чужеземной культуры”¹², из хранителей отдельных индивидов и их малочисленных кровнородственных объединений они перевоплотились в покровителей всех членов социальных союзов, поклоняющихся им, и встали на страже социальной гармонии и общественных интересов.

Наслаивание идеи эквивалентности на представления о божественной посюсторонней каре, которые проистекали из комплекса представлений о предустановленном миропорядке, гомеостазе и вселенском равновесии, а равно на подробно описанную в трудах Ф. Боаса, Б. Малиновского и А. Радклифф-Брауна “идею подобия” обусловило принятие первой объективно-количественного контура.

В области реагирования на деликты, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье человека помимо архаического правила талиона принцип равновозмездности нашел свое воплощение в широко распространенном и столь же древним, как институт аменгерства (левират, дакылма), принимавшем разные формы и отражавшем стремление к равноценному восполнению нанесенного вреда и урона обычая, зафиксированном в племенах североамерикан-

ских индейцев еще Л.-Г. Морганом¹³, согласно которому преступник передается линиджу убитого и замещает его в нем, становится мужем вдовы и отцом его детей¹⁴ (подобный “субституциональный” подход долгое время сохранялся у чукчей и эскимосов). Ближайшая родственница преступника должна выйти замуж за отца, сына или брата убитого и родить мужчину, обеспечив тем самым замену погибшего человека (данная норма использовалась иорданскими и саудовскими кочевниками), либо сын убитого берется на воспитание (аталычество) семьей кровников (эта разновидность рассматриваемого нами обычая известна адатам балкарцев и карачаевцев, а также албанскому Кануну¹⁵).

Метаморфоза идеи эквивалентности из субъективно-качественной в объективно-количественную привела к восприятию конструкции талиона как максимальной границы мер социальной реакции на преступное поведение, к отходу в пенитенциарной области от простого, примитивного тождества к эквивалентному тождеству, что и повлекло последующую трансформацию конструкции прямого физического талиона в систему воздаяния, характеризующуюся многообразием эквивалентов в карательном воздействии на нарушителя общественных запретов.

Мы полагаем, что именно этот процесс предопределил и появление композиций, товарно-денежного (материального) возмещения (таких правовых институтов, как головничество, вергельд, вира, дий, вено¹⁶ и т.д.), которое нередко представлялось некоторыми исследователями XX в. как результат исключительно нарушающего законы естественного равенства свободных общинников классового образования, социальной стратификации (последние, на наш взгляд, привели лишь к дифференциации размеров штрафа, в основу которой действительно был положен сословно-кастовый принцип) или как следствие невозможности осуществить отмщение по объективным причинам (преступник скрылся, недосыаем, и потерпевшая сторона довольствуется захватом его имущества) либо субъективным (отсутствуют лица, способные совершить акт кровомщения), хотя еще древнеримский историк Тацит писал, что “выкуп за кровь” возник “в резуль-

¹³ М.М. Шаргородский, используя полевые записи Л.Г. Моргана, приводит пример разрешения межплеменного конфликта, выявляющего суть этой обычно-правовой нормы: “Вы убили у нас мужчину тридцати лет, у него остались жена и двое детей, отдайте нам мужчину вашего племени, и он будет мужем этой женщины и отцом ее детей” (*Шаргородский М.Д.* Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. С. 17).

¹⁴ М.М. Ковалевский так описывает этот обычай у осетин: “Один из взрослых членов рода обидчика вступает путем усыновления в род потерпевшего. С этого времени он будет занимать в нем место убитого, получит даже его имя” (цит. по: *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957. С. 47, 48).

¹⁵ Карачаевцы называют его “кан алган адет” (принятие кровника), а взятого на воспитание ребенка – кан-эмчек (усыновленный кровник).

¹⁶ Изначально понятие “вено” (от лат. *enum* – продажа) относилось у славян к системе выкупных платежей за различные межродовые “обиды”, но затем обрело значение, близкое азиатским калыму и кайтарме. Им стали обозначать плату за невесту, передаваемую женихом ее родителям (общине, феодалу) или приданое невесты. Интересным представляется наблюдение Н. Рулана, обратившего внимание на “сходство между стоимостью крови и стоимостью невесты”: в языке многих этносов платеж за убийство и выкуп за невесту обозначается одним и тем же словом (см.: *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 2000. С. 178, 179).

¹¹ *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремным ведением. СПб., 1889. С. 5.

¹² *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 36.

тате сознательного отказа от мести, а не из-за отсутствия мстителя”¹⁷.

Показательно, что понятия *виры* и *вергельда* (от древнегерманск. *wehr-geld* – “цена человека”) восходят к единому индоевропейскому лексическому фону и древнеарийской системе публично-правовых представлений, о чем часто упоминалось в трудах немецких и отечественных ученых рубежа XIX–XX столетий¹⁸. Понятие “талион” возникло значительно позже – в недрах древнеримской юридической терминологии. Однако латинское слово “*talis*”, от которого оно было образовано, происходит от древнеиндийского глагола *tuḥ*, который означает “измерять”, “взвешивать”, и упоминается в написанных на санскрите Ведах.

Думается, что обращение к композициям, детерминированное укоренением в сознании людей количественной идеи меры, усложнением их социального бытия и установлением взаимозависимости между разрозненными коллективами, было связано и с действиями по аналогии, распространением на данную сферу взаимоотношений древнейшего механизма религиозных жертвоприношений: следуя логической схеме, положенной в основу практики подношения даров грозному божееству, виновный в преступлении, желая избежать суровой кары, направлялся с дарами навстречу разгневанному преследователю.

Несомненно, переход в “компенсационную” фазу пенитенциарного опыта был ускорен процессом разложения изжившей себя общинно-родовой структуры, сопровождавшимся проявлением индивидуализма, личностной активности¹⁹, попиравшей солидаристские принципы, оформлявшие отношения внутри кровнородственных коллективов, частнособственнических интересов²⁰, а также возникновением и усилением роли политической власти, которая стремится монополизировать область уголовного наказания и, во многом преследуя задачи поддержания численности народонаселения и цель сугубо экономической выгоды, заменить физическое насилие материальными формами государственного принуждения.

Тем не менее было бы заблуждением считать, что уже с момента своего установления государственный аппарат нацелен на полное исключение кровной мести из сферы социальной регуляции; напротив, он признает кровомщение и

закон талиона как часть уголовно-правового инструментария и повсеместно интегрирует их в систему позитивного права.

О причинах отчетливого проявления в выстроенных государственных властью институтах публичного права регуляторов и нормативов, присущих правовой действительности эпохи первобытнообщинного строя, мы можем судить по меткому замечанию социолога Э. Дюркгейма: “Повсюду, где устанавливается управляющая власть, ее первая и главная функция – это заставить уважать верования, традиции, коллективные обычаи, то есть защищать общее сознание против всех, как внутренних, так и внешних, врагов. Таким образом она становится символом общего сознания, его живым выражением в глазах всех”²¹.

Лишь по завершении этатизации общественной жизни и упрочнения позиций политической власти как хранительницы гражданского мира и гаранта общественного благосостояния ее воля нацелена и активно проявляет себя в направлении ограничения и упразднения кровной мести, которая “раздирает” социально-правовую материю нового типа: устанавливаются судебный порядок для предоставления права отщепенца и фиксируются сроки для его реализации, сужаются круг деяний, за которыми следует кровомщение, а равно перечень лиц, как наделяющихся данным правомочием, так и подлежащих частному преследованию²², убийцам предоставляется “право убежища”²³ и т.д.

Резко усилившееся в феодальную эпоху стремление подерживать авторитет власти суверена, олицетворявшей закон и являвшейся воплощением богоугодного порядка, путем внушения трепета, страха перед ней, достигаемых посредством проводившихся под лозунгами вроде известного “чтоб другим неповадно было” экзекуций, пыток и истязания преступников, незамедлительно привело к отказу от принципов соразмерности воздаяния и упрочнению концепции устрашения²⁴, а перманентное развитие принципа эквивалентно-

²¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 92.

²² В германских раннефеодальных конунгствах кровная месть допускалась только по отношению к преступнику (бургунды) либо убийце и его сыновьям (саксы), а в Норвегии правило преследовать лучшего представителя рода убийцы было отменено в XIII столетии королем Гаконом, постановившим: “У многих из-за такого обычая погибло много родни. Мы причисляем эти действия к уголовным преступлениям, и всякий, кто станет впредь мстить мимо убийцы кому-нибудь другому за родную кровь, лишается имени и безопасности” (см.: Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2000. С. 94), закон кровной мести у арабов “дает право мести родственнику убитого только до пятого колена” (см.: Лафарг П. Происхождение идеи справедливости // Марксизм и этика. Сб. ст. / Под ред. Я.С. Розанова. Киев, 1925. С. 43).

²³ Например, согласно древнееврейскому праву преступник мог избежать мести, укрывшись в одном из шести городов-убежищ и не покидая его до смерти первосвященника, а “по смерти великого священника должен возвратиться убийца в землю владения своего” (Книга Числа, 35.19, 26-30), где уже не мог быть подвергнут смерти (см.: Тер-Акопов А.А. Законодательство Моисея: уголовно-правовая характеристика // Росс. юстиция. 2003. № 12. С. 41).

²⁴ Ее первая цель, как писал М. Фуко, “состоит в том, чтобы преподать урок, не только доведя до сознания людей, что малейшее правонарушение скорее всего будет наказано, но и внушая ужас при виде власти, обрушивающей свой гнев на преступника”, “в литургии наказания должны подчеркнута утверждать власть и присущее ей превосходство” (см.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 73, 86). Эта задача объясняет принятие наказанием характера публичной церемонии. Однако автором весьма точно была подмечена еще одна особенность такой карательной практики, связанная с идеей возмездия: “Надо заставить людей бояться, но они должны быть также свидетелями, гарантами и в какой-то мере участниками наказания, в мести монарха должна приводить месть народа” (Там же. С. 86, 87).

¹⁷ Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 46. Некорректным будет и предположение о том, что появление заменяющей кровомщение и правило талиона системы композиций происходит из принципиально нового взгляда на наказание, на что указывал еще М.Ф. Владимирский-Буданов, писавший, что данные виды уголовных наказаний “развивались один из другого” (см.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 332).

¹⁸ См., например: Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 47. Согласно мнению Р.Р. Черри, “первый зародыш судебного разбирательства можно найти в установлении размера пеней в собраниях триб, которые периодически происходили у древних народов” (см.: Черри Р.Р. Развитие карательной власти в древних общинах. СПб., 1907. С. 20).

¹⁹ Не случайно первым в перечне факторов, влияющих на место, роль и характер наказания (в который также включены степень развития культуры общества, экономическое и политическое положение государства и степень устойчивости общественного строя), приводимом криминологом И.И. Карпецом, идет положение личности в обществе (см.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 180–182).

²⁰ Как подчеркивал П. Лафарг, “кровь с воцарения частной собственности не требует уже больше крови: она требует себе собственности” (см.: Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса: исследования о происхождении и развитии идей справедливости, добра, души и Бога. М., 1923. С. 122).

сти – к обнаружению мерила для сопоставления преступного деяния и наказания за него в свободе индивида, что также повлекло изменение ориентиров, целей и задач уголовной политики и предопределило становление практики изоляции человека, совершившего преступное посягательство, от общества.

Стратификационное деление, усилившиеся процессы сословного размежевания и имущественного расслоения неуклонно вели к невозможности последовательного проведения в карательной практике принципа талиона, который мог воспроизводиться только в условиях статусного равенства всех участников общественного конфликта. Они значительно ускорили его замещение композициями, выкупной (реституционной, контрибуционной) системой, следованием правилу, запечатленному в расхожей английской поговорке эпохи раннего феодализма: “Если не хочешь получить удар копыя, купи его”²⁵, хотя в ряде государств, например в Киевской Руси, этот процесс затянулся вследствие сопротивления ему укоренившихся установок морально-правового сознания, обозначивших себя, в частности, в *maxima sententia* той далекой эпохи: “Разве можно носить своего убитого сына в кошельке?”.

М.Ф. Владимирский-Буданов, отмечая, что “в эпоху мести целью наказания является возмездие, т.е. воздаяние злом за зло, что впоследствии усвоено и государством, а в эпоху денежных выкупов к этой прежней цели присоединяется другая, уже чисто государственная – именно финансовой выгоды”²⁶, приводит удачный пример: “Когда Владимир Святой ввел было по совету епископов вместо виры смертную казнь, то дума боярская настояла на восстановлении виры по единственному основанию: “оже вира, то на оружии и на коних буди”²⁷, т.е. вира даст в казну средства приобретать оружие и коней.

Так как социальная активность, связанная с применением уголовных санкций за совершенное преступное посягательство, постепенно перешла в исключительную компетенцию органов политической власти, принцип соответствия и идея равновозмездности, ранее находившие свое внешнее выражение в институте кровной мести и применявшемся к преступникам правиле талиона, начали дополняться различными целевыми установками (генеральной и частной пре-

венцией и др.), детерминирующимися социально-экономической и политической конъюнктурой, которые постепенно начали выходить на первый план и вступили в противоречие с принципом равновозмездности.

Следует отметить, что принцип равновозмездности получил отражение не только в позитивном праве и современных формах социального контроля, но и в сфере рудиментарных стереотипов обыденного правосознания и морали, что подтверждает мнение: “нет оснований трактовать талион как продукт архаической цивилизации, преодолеваемый или замещаемый с развитием цивилизации государственным законом и моралью”²⁸. Из современных примеров можно привести уголовный процесс по обвинению осетина В. Калоева, преследовавшегося швейцарским судом за убийство диспетчера П. Нильсена, из-за ошибки которого в авиакатастрофе погибли жена и двое детей В. Калоева. Хотя законодательство Швейцарии со времен В. Телля и изжития *файды* (кровнородственной вражды) не содержит норм об уголовной ответственности за убийство по мотиву кровной мести, в ходе следствия родственники обвиняемого, а также осетинские юристы и историки, отвечая на вопросы возмущенной общественности, были вынуждены неоднократно подчеркивать, что обычай кровной мести в Северной Осетии изжит, а Виталий Калоев действовал, не следуя данному обычаю, предусмотренному в адатном праве аланов.

Фиксация принципа равновозмездности в области массива компонентов обыденного правосознания требует учета при проведении последовательной уголовной политики, в области которой сегодня особенно актуален вопрос о необходимости согласования всех осуществляющихся в системе уголовно-правовых мер реагирования на преступные посягательства, изменений с социально-психологическими аспектами бытия, с состоянием общественного сознания, этнопсихологией, менталитетом людей и их морально-нравственными установками.

²⁸ *Апресян Р.Г.* Талион: его восприятие и видоизменения в христианстве и исламе // Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М., 2004. С. 221. Согласно выводам Р.Г. Апресяна “с развитием нравственности поступки по логике талиона не только сохраняются, но и продолжают составлять важную часть поведения цивилизованного, в том числе современного, человека, и отнюдь не только в форме пережитка” (см.: *Апресян Р.Г.* Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 72).

²⁵ *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003. С. 130.

²⁶ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 326.

²⁷ Там же. С. 326.